

К генезису маркеров вепских диалектных ареалов*

Н. Г. Зайцева

Институт языка, литературы и истории,
Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск; zng@ro.ru

Аннотация. В данной статье на материале Лингвистического атласа вепского языка [ЛАВЯ 2019] представлены примеры лингвистических маркеров, позволяющих очертить диалектные ареалы вепского языка. Эти маркеры могут иметь фонетический, грамматический либо лексический характер.

Некоторые из них являются прибалтийско-финским наследием, другие — вепскими инновациями, возникшими в центре вепского ареала, третьи — результатом контактов языка вепсов с родственными и неродственными языками. Разные комбинации названных факторов составляет характеристику того или иного диалектного ареала.

Исследование выявило значительное единство вепских диалектных ареалов и проницаемость их границ, а также их безусловную специфику.

Материалы [ЛАВЯ 2019] (150 лингвистических карт и комментариев ареального, этимологического, семантического характера) позволяют сделать выводы относительно формирования диалектной карты языка вепсов в целом, высказать некоторые суждения по поводу их исторической территории. Фонетические карты не позволяют четко обозначить границы, связанные с рефлексацией прибалтийско-финских фонем. Морфологические карты показывают, что прибалтийско-финская система именного словоизменения сохраняется во всех вепских диалектах (изменения, происходившие в том числе и под влиянием языковых контактов, в наибольшей степени затронули семантику и синтаксические функции именных форм).

В области глагольного словоизменения можно наблюдать как прибалтийско-финские архаизмы, так и собственно вепские инновации, а также изменения, вызванные контактом с карельским языком (преимущественно северного вепского диалекта).

Лексические карты фиксируют определенное количество прибалтийско-финских лексем, сохранившихся только на окраинах восточно-вепской территории. Одновременно с этим, именно здесь фиксируется наибольшее количество субстратной лексики.

Ключевые слова: вепский язык, лингвистическая география, диалектный ареал, лингвистические маркеры.

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

On the genesis of markers of Veps dialectal areas

N. G. Zaitseva

Institute of Language, Literature and History, Karelian Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk; zng@ro.ru

Abstract. This article, based on the Linguistic Atlas of the Veps Language (St. Petersburg, 2019), discusses examples of phonetic, grammatical, and lexical linguistic markers of the Veps dialectal areas. Some of them represent Balto-Finnic heritage, others are Veps innovations that arose in the center of the Veps dialect continuum, and yet others are contact-induced changes emerging under the influence of neighboring languages that are both genetically related and unrelated to Veps. Each Veps dialectal area can be characterized by different combinations of these linguistic features. The most significant factors that have shaped the modern dialectal map are landscape-geographical factors associated with migration routes. Administrative borders also contributed to the administrative disunity of the Veps territories.

Materials of the Linguistic Atlas of the Veps Language (150 linguistic maps) open a view to the formation of the Veps dialect map in general and to the picture of the historical Veps territory.

Phonetic maps do not allow a clear outline of the differences in the common Balto-Finnic heritage preservation. For example, the North Veps dialect retained the original long vowels (which may reflect Karelian influence as well) while losing any traces of vowel harmony. The South Veps dialect does not display traces of the primary long vowels and only shows weak signs of vowel harmony.

The Balto-Finnic system of nominal inflection is preserved in all Veps dialects. Its subsequent development and linguistic contacts have slightly affected their nominal forms, mostly in terms of their use and syntactic functions.

In the domain of verbal inflection, one can observe retained components of the Baltic-Finnish heritage, modern Veps innovations, as well as contact-induced changes under the influence of the Karelian (predominantly in the Northern Veps dialect).

Lexical maps show certain Balto-Finnic lexemes that have only survived at the outskirts of the East Veps area, thus demonstrating conservation of ethno-defining features on border territories. It is also there that most of the substratum words are registered.

Keywords: Veps language, linguistic geography, dialect area, linguistic markers.

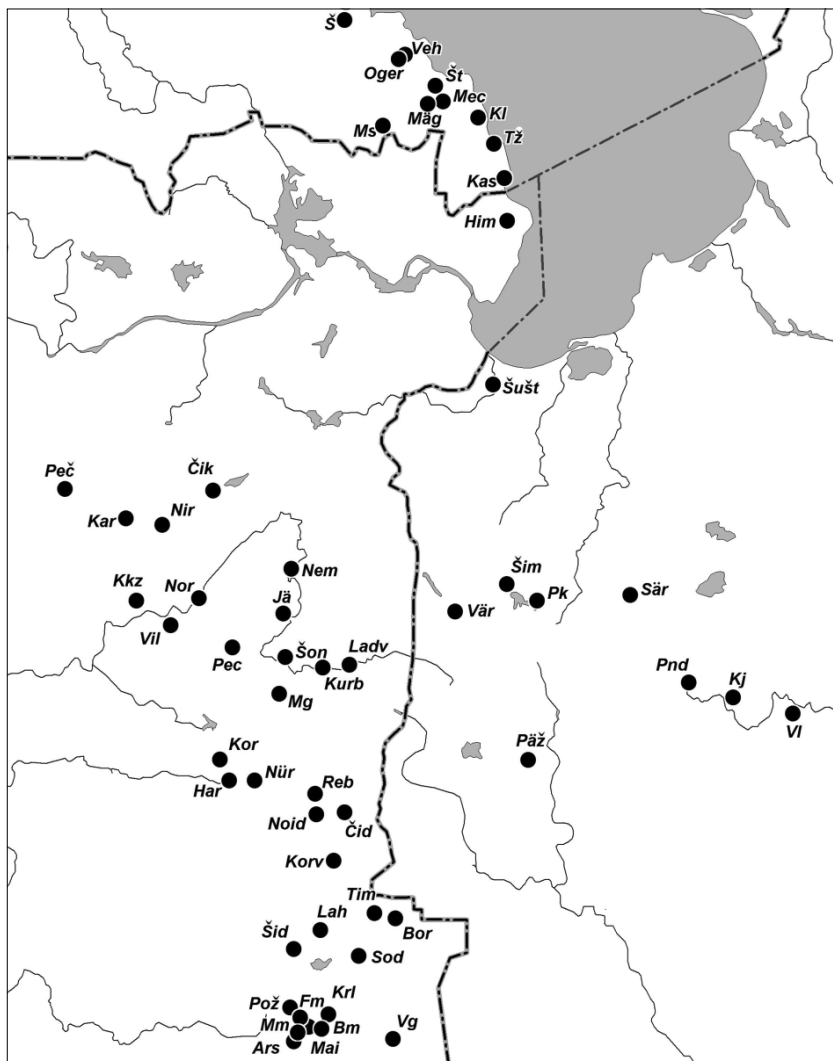
1. Постановка проблемы

Вепсы и вепсский язык в поле зрения ученых попали довольно поздно. Их более или менее планомерное исследование началось

в XIX веке, когда в регионы проживания вепсов были совершены экспедиции, прежде всего, учеными из Финляндии и Эстонии. Отечественная наука начала исследование вепсов и вепского языка лишь в первой половине XX в. Их планомерное изучение в настоящее время сосредоточено в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Начиная с 1950 г. исследователи Карелии выезжали в экспедиции на земли вепсов более 150 раз, посетив центры ареалов, их окраины и переходные зоны. В Фонограммархиве института хранится более 400 часов магнитофонных записей вепской диалектной речи, которые в настоящее время все оцифрованы. При этом в словаре диалектов вепского языка [СВЯ], в образцах вепской речи, в Корпусе вепского языка [Корпус] и в Открытом корпусе вепского и карельского языков [ВепКар], а также в научных трудах использована их незначительная часть. Записи в основном не расшифрованы и поэтому доступны лишь узкому кругу исследователей.

Вепские диалектные материалы представлены также на картах «Лингвистического атласа Европы» (см., например, [ALE]) и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [ALFE]. Отметим, что в «Лингвистическом атласе Европы», материал для которого был собран, в том числе, и автором данной статьи, вепские материалы практически невозможно обнаружить. В трехтомном «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» [ALFE 2004, 2007, 2010] вепскому языку отводится важное место. Вепские материалы здесь использовались активно, хотя вопросник атласа не всегда был направлен на поиск особенностей, касающихся именно языка вепсов (так, именования миноги или морских водорослей, свойственные приморским жителям, в вепском языке не могли быть обнаружены). И это вполне закономерно, поскольку подобный атлас нацелен на выявление особенностей целых групп языков или диалектов, а более конкретные вопросы должен решать диалектологический атлас отдельно взятого языка.

Идея атласа, посвященного вепскому языку, зародилась еще в 1940-е годы, когда в Петрозаводске в Институте языка, литературы и истории под руководством Д. В. Бубриха началась работа по подготовке «Атласа карельского языка» (опубликован значительно позднее [Бубрих и др. 1997]). Интерес к диалектам финно-угорских языков у Бубриха появился в конце 1920-х годов, когда он подготовил подробную инструкцию по собиранию материала по мордовским диалектам. В мае 1928 г. Бубрих впервые приехал в Карелию, и в этом же году вышла в свет «Инструкция по собиранию материала по финско-карельским говорам». Позднее были опубликованы первая и вторая редакции

Карта 1. Экспедиционные маршруты сотрудников ИЯЛИ КарНЦ
РАН на территории расселения вепсов (1950–2010-е гг.)

Map 1. Expeditionary routes of employees of the Institute of Language
and Literature of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences on the territory inhabited by Vepses (1950–2010s)

Для атласа было разработано 395 вопросов по фонетике, грамматике, лексике, семантике [Вопросник 2013: 10–45]. К настоящему времени работа завершена, и участниками проекта подготовлено около 150 диалектных карт и комментариев к ним [ЛАВЯ 2019].

Отметим, что основные диалектные особенности вепского языка науке известны. Однако генезис характерных диалектных различий (далее называемых маркерами), их распределение и участие в формировании диалектных ареалов пока не исследованы достаточным образом. По происхождению все маркеры можно условно разделить на три группы:

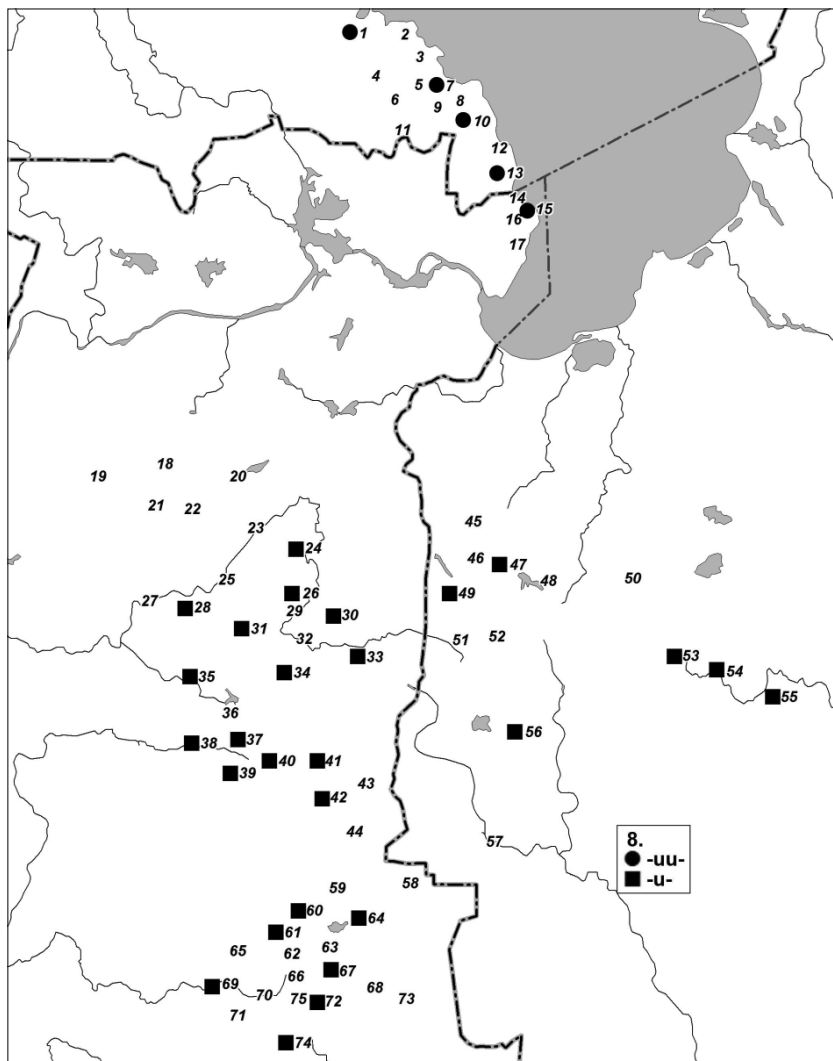
- 1) наследие прибалтийско-финского языка-основы;
- 2) результат самостоятельного развития вепского языка;
- 3) следствия контактов с соседними народами и языками.

Контаминация и набор этих групп маркеров составляет специфику каждого отдельно взятого диалекта или говора. Для нашей статьи мы отобрали в качестве примера ряд маркеров из разных областей языка и представили на основе этого материала некоторые выводы по формированию вепских диалектных ареалов.

2. Образцы фонетических маркеров

Фонетика вепского языка с точки зрения ее исторического развития достаточно хорошо исследована финскими учеными, которые активно использовали ее факты в своих сравнительно-исторических изысканиях. Вепский язык с легкой руки Д. Е. Д. Европеуса даже получил наименование «прибалтийско-финского санскрита» [Grünthal 2015: 22]. Более современные аспекты вепской фонетики наиболее подробно изложены в работе известной исследовательницы языка вепсов, одного из авторов раритетного «Словаря вепского языка» [СВЯ] М. И. Зайцевой, где представлены характеристики звуков и их сочетаний, продемонстрирована их дистрибуция в разных частях слова, показаны модификации звуков в потоке речи, а также проиллюстрированы возможности адаптации русских звуков языком вепсов [Зайцева 1981], что послужило серьезной источниковой базой при составлении фонетических карт [ЛАВЯ 2019].

Ниже представлены материалы лингвистической карты (*Карта 3*), которая посвящена рефлексам примарных долгих гласных в языке вепсов (на примере гласного *ии*).

Карта 3 (8²). Рефлексы примарного долгого *-uu-

Map 3 (8). Reflexes of the primary long *-uu-

² Здесь и далее номер карты в круглых скобках соответствует номеру вопроса «Вопросника вепского языка» [Вопросник 2013: 11].

По мнению историков языка, праприбалтийско-финские языки корреляцию по долготе развили в результате исчезновения или вокализации *y*, *v* или *j* [Основы 1975: 37]. В эстонском языке она представлена в исходном виде и сейчас, в финском языке на месте долгих гласных в определенных позициях возникли восходящие дифтонги. Карельские наречия характеризуются еще более значительным количеством восходящих дифтонгов или даже трифтонгов, хотя в отдельных говорах имеют место и долгие гласные.

Любопытно отметить, что при расшифровке магнитофонных записей, сделанных в 1959 М. М. Хямяляйненем в д. Куккас на северной окраине западных средневепских говоров (Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.), нам удалось обнаружить повышение гласных среднего подъема: *luda* ‘снова́ть основу ткани; броса́ть стог’ (совр. вепск. *loda*, финск. *luoda*); *juda* ‘пить’ (совр. вепск. *joda*, *g’oda*, *d’oda*, финск. *juoda*); *lüda* ‘бить’ (совр. вепск. *löda*, финск. *lyödä*), *süda* ‘есть’ (совр. вепск. *söda*, финск. *syödä*), *müda* ‘продава́ть’ (совр. вепск. *möda*, финск. *myydä*, *myödä*), *mühä* ‘поздно’ (совр. вепск. *möhä*, финск. *myöhä*) [Зайцева 2016: 344]. Возможно, названный говор находился на пути образования дифтонгов на месте примарных долгих гласных сам по себе или же такое образование происходило под влиянием карельского языка.

В большинстве диалектов и говоров вепского языка примарные долгие гласные практически бесследно исчезли. Лишь в ряде слов сохранились следы их бывшего наличия. Например, переднерядный *ü*, по мнению историков языка, мог возникнуть в лексемах типа *g’ür’* ‘корень’, которая ранее была заднерядной (ср. финск. *juuri*), именно из долгого *uu* (*ü < uu*) в позиции между двумя палатализованными согласными [Tunkelo 1946: 550–551].

В вопросник атласа вепского языка были включены вопросы по функционированию долгих гласных **uu*, **üü*, **ii*, которые проливали бы свет на распределение их рефлексов в языке современных вепсов. Собранный материал по названным звукам был примерно идентичен, и для лингвистической карты в качестве примера была избрана корреляция *uu ~ u*.

Как свидетельствует лингвистическая *Карта 3*, долгий гласный сохранился в настоящее время лишь в северновепском диалекте. В языке северных вепсов можно обнаружить и редкие минимальные пары, в которых слова различаются долготой или краткостью гласных звуков, напр.: *puuhu* InesSing существительного *puu* ‘дерево’ ~ *puhu*

2PSingImperat глагола *puhuda* ‘дуть’. Это явление, однако, не простирается далее первого слога. В первом же слоге, кроме того, на месте примарных долгих гласных могут употребляться полудолгие или дифтонгизированные гласные или даже сочетания гласных с согласными (напр. *kuvdman*: GenSing существительного *kuvdan* ‘луна, месяц’; ср. финск. *kuutamoo* ‘лунный свет’ [Tunkelo 1946: 550–551]).

В южновепском ареале достаточно много случаев наличия долгих гласных, но это долгие гласные вторичного происхождения. Они возникли из дифтонгов, а также из согласных *l*, *v*, *n*, которые вокализовались и подверглись дифтонгизации (напр. *nituu* < *nitul* ‘на покосе’; *pertii* < *pertil* ‘на доме’; *haag* < *haug* (< **halg*) ‘дрова’; *maazik* < *manzik* ‘земляника’; *haad* < *haud* ‘яма’; *kaah* < *kauh* ‘ковш’; *eglaane* < *eglaine* ‘вчерашний’ и т. д.). Долгие гласные вторичного происхождения не учитывались на карте. Для южновепского диалекта совсем не характерны рефлексы примарных долгих гласных, хотя некоторые лингвисты считают южновепский наиболее архаичным именно с точки зрения системы гласных звуков, напоминающей систему гласных звуков финского языка [Wiik 1989: 17].

Таким образом, примарные долгие гласные, из которых сейчас, как известно, наиболее часто встречаются в односложных словах и первом слоге многосложных слов гласные *uu*, *üü*, *ii*: *suu* ‘рот’, *püü* ‘рябчик’, *viiž* ‘пять’, *kuulišt* ‘(он) услышал’, *puuhu* ‘в дерево’ (см. напр. [Tunkelo 1946: 550]), — стали маркерами именно северновепского диалектного ареала, что, возможно, могло быть поддержано также и контактными карельскими говорами.

3. Образцы грамматических маркеров

Вопросник по сбору материала для атласа вепского языка содержит более четырех десятков вопросов по грамматике, однако далеко не все из них позволили построить карты. В частности, употребление генитивных конструкций, оформление прямого дополнения, управление глаголов в формах актива и пассива находятся под сильным влиянием русского языка, и диалектных различий здесь не удалось выявить. Синтаксис словосочетания сохранился в диалектах довольно хорошо, однако он практически однороден по диалектам, и никаких значимых диалектных различий здесь обнаружить также не удалось.

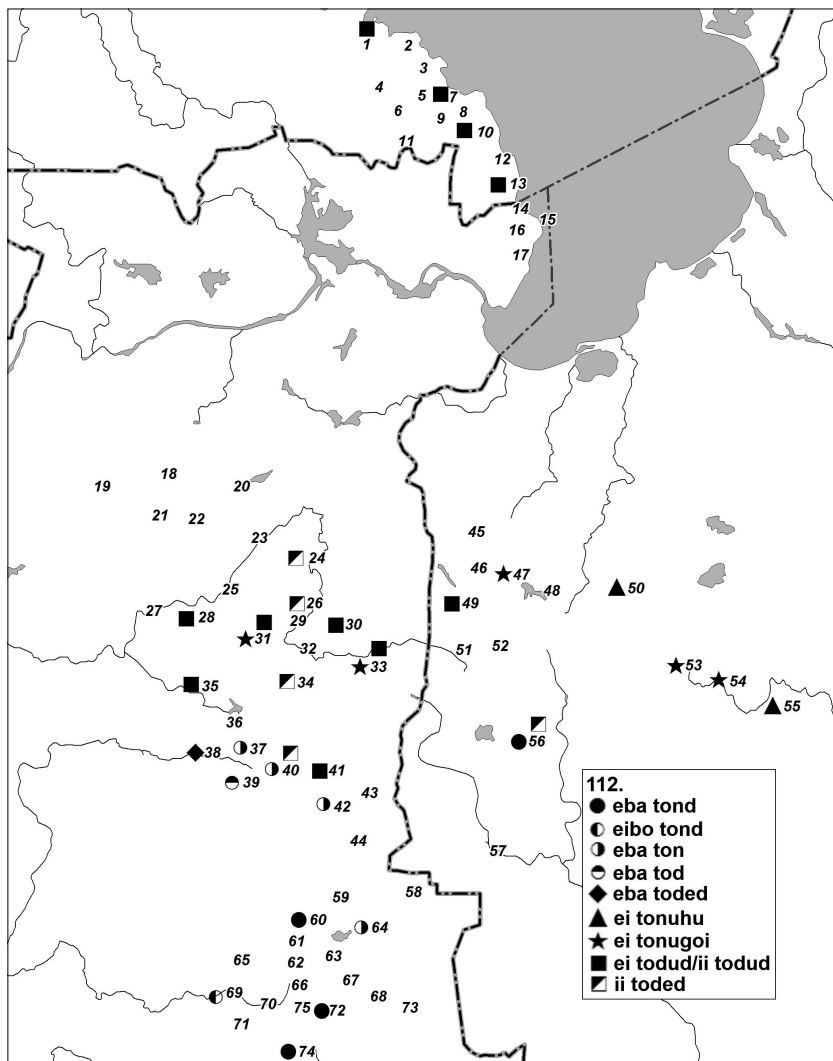
Основные диалектные различия сосредоточены в сфере морфологии. Для примера в данной статье представлена лингвистическая карта, посвященная отрицательной форме имперфекта 3 лица мн. числа. Указанная форма является одной из важнейших, маркирующих диалектные зоны вепсского языка. Она строится, как и в других прибалтийско-финских языках, при помощи отрицательного глагола *ei* и причастия имперфекта смыслового глагола (в картографируемом случае: *ei tonigoi ~ eba tond* ‘[они] не принесли’). Различия в диалектных зонах обнаруживаются в отношении как отрицательного глагола, так и форм причастий; выбор формы зависит, прежде всего, от территориального расположения пункта на карте, его диалектного и языкового окружения.

Как свидетельствует карта, весь южновепсский ареал с примкнувшими к нему смежными говорами средневепсского диалекта (Nür, Noid, Nar, Páž, Jog)³ обладает формой отрицательного глагола *eba*. По предположению историков языка, отрицательный глагол в форме *eba* по составу даже более древен, нежели финский глагол *eivät*. В вепсской форме лично-числовое окончание *-ba* присоединяется непосредственно к основе отрицательного глагола, как было в праязыке, в то время как в финском языке — к форме 3 лица ед. числа имперфекта *ei: eivät* [Häkkinen 1985: 121]. В одном из южновепсских пунктов (Mas, т. е. Маслозеро), вопросник по которому был заполнен от переселенцев первой половины XX века в Кемеровскую область, удалось зафиксировать отрицательный глагол в форме *eibo*. На наш взгляд, здесь представлена некая случайная инновация, которая не является параллелью финскому языку, поскольку подобная форма не сохранилась ни в одном из сборников образцов вепсской речи и не представлена более ни в одном южновепсском пункте.

Различия в построении картографируемой формы *eba tond* особенно наглядно проявляются в фонетических вариациях причастия имперфекта: *tond, ton, tot*, в котором вариант *tond* является фонетически наиболее полным вепсским соответствием финской форме *tuonut* [Tunkelo 1946: 125–126], а *ton* и *tot* — ее сокращенными вариантами, утратившими конечные согласные звуки, что с точки зрения вепсского языка вполне объяснимо.

Форма *eba tond* с вариантами является прибалтийско-финским архаизмом (ср. финск. литературный *eivät tuoneet* ‘(они) не принесли’).

³ См. «Сокращения названий населенных пунктов ...» в конце статьи.

Карта 4 (112). Отрицательная форма имперфекта 3 лица мн. числа индикатива глагола *toda* '(у)нести': '(они) не (у)несли'

Map 4 (112). Negative 3 Pl Imperfect Indicative of the verb *toda* 'to carry': 'they did non carry'

Как свидетельствует собранный материал, данная форма маркирует весь южновепский диалект и переходные говоры средневепского диалекта Тихвинского р-на (Nür, Jog, Noid). Названный вариант

представлен также в пункте Пяозеро (Päž, Бабаевский р-н Вологодской обл.), который тяготеет к южновепсской зоне, свидетельствуя о контактах или общем наследии. Любопытно, что этот вариант, наиболее соответствующий праязыковой форме, сохранился в южновепсской ареальной зоне, наиболее удаленной от прочих прибалтийско-финских языков. Очевидно, многие вепсские инновационные процессы до нее не дошли, поскольку были поздними и не настолько мощными.

В нескольких восточных пунктах средневепсского региона (VI, Kj, Sär) в образовании отрицательной формы участвует активное причастие имперфекта с показателем *-nuhu* (*ei tonuhu* '(они) не принесли'). Согласный *-h-*, представленный в данном форманте, является рефлексом древнего спиранта **δ*, который в ряде языков выпал, в ряде языков развился по модели **δ>d*, как это случилось в большинстве вепсских говоров. По мнению историка вепсского языка Тункело [Tunkelo 1946: 211], для вепсского подобные звукопереходы (**δ>h*) не характерны, скорее всего, — это позднее явление, заимствованное уже конкретно из ливвиковского наречия карельского языка. Исследователи полагают, что вблизи данного региона могли быть точечные поселения карелов-ливвиков, откуда и заимствован формант с данным согласным звуком.

Что касается средневепсского диалекта, то в нем при образовании обсуждаемой формы употребителен основной глагол, оформленный показателем *-koi*, *-goi*. Этот показатель участвует в образовании именно отрицательных конструкций мн. числа как презенса (*em to-goi* '[мы] не принесем'), так и имперфекта (*em to-nu-goi* '[мы] не принесли') и распространен довольно узко [Зайцева 2002: 70–71]. Он является, на наш взгляд, раритетной вепсской инновацией, отсутствующей в родственных языках. В них отрицание выражено только формой отрицательного глагола, а смысловой глагол одинаков в положительной и отрицательной конструкциях (ср. финск. *ovat tulleet* '(они) пришли', *eivät tulleet* '(они) не пришли'). В этом случае можно констатировать, что вепсский язык пошел по пути большей формализации явления, стремясь придать отрицательную информацию и смысловому глаголу. Очевидно, отрицательная форма смыслового глагола на *-koi* ~ *-goi* получила распространение в центре вепсского региона как своеобразная инновация, но не успела завоевать более широкое пространство, став маркирующей чертой именно центрального вепсского ареала.

В северновепсском диалекте в построении отрицательной формы 3 лица мн. числа имперфекта на месте активного причастия выступает

причастие пассива с суффиксами *-tud* ~ *-dud*, ~ *-ted*, ~ *-tet*: *ei todud* ~ *toded* ‘(они) не принесли’, *ei pandud* ~ *panded* ‘(они) не положили’. Здесь наблюдается победа пассивных форм над активными также и в формах презенса и имперфекта 3 лица мн. числа. Это явление особенно свойственно всем наречиям карельского языка, где активная по происхождению форма в этом контексте даже не сохранилась [Зайков 2000: 80–81]; таким образом, в этом случае можно говорить о карельском влиянии на северновепский диалект.

В переходных говорах средневепского диалекта, представленных в атласе среди прочего населенным пунктом Jog (Тихвинский р-н, Ленинградская обл.), в качестве отрицательной формы 3 лица мн. числа имперфекта выступает некая инновативная конструкция, в которой отрицательный глагол обладает южновепской формой *eba*, а причастие имеет пассивную форму, что характерно для более северных средневепских говоров и северновепского диалекта: *eba toded*. Таким образом, данный пункт, находясь на стыке диалектных регионов, объединяет средне- и южновепские говоры.

Как известно, угасание употребления активных форм 3 лица мн. числа презенса и имперфекта и расширение употребления в названной функции форм пассива является общей прибалтийско-финской тенденцией. В нашем случае употребление форм пассива в значении личных форм 3 лица мн. числа как презенса, так и имперфекта более всего характерно именно для северновепского диалекта.

4. Образцы лексических маркеров

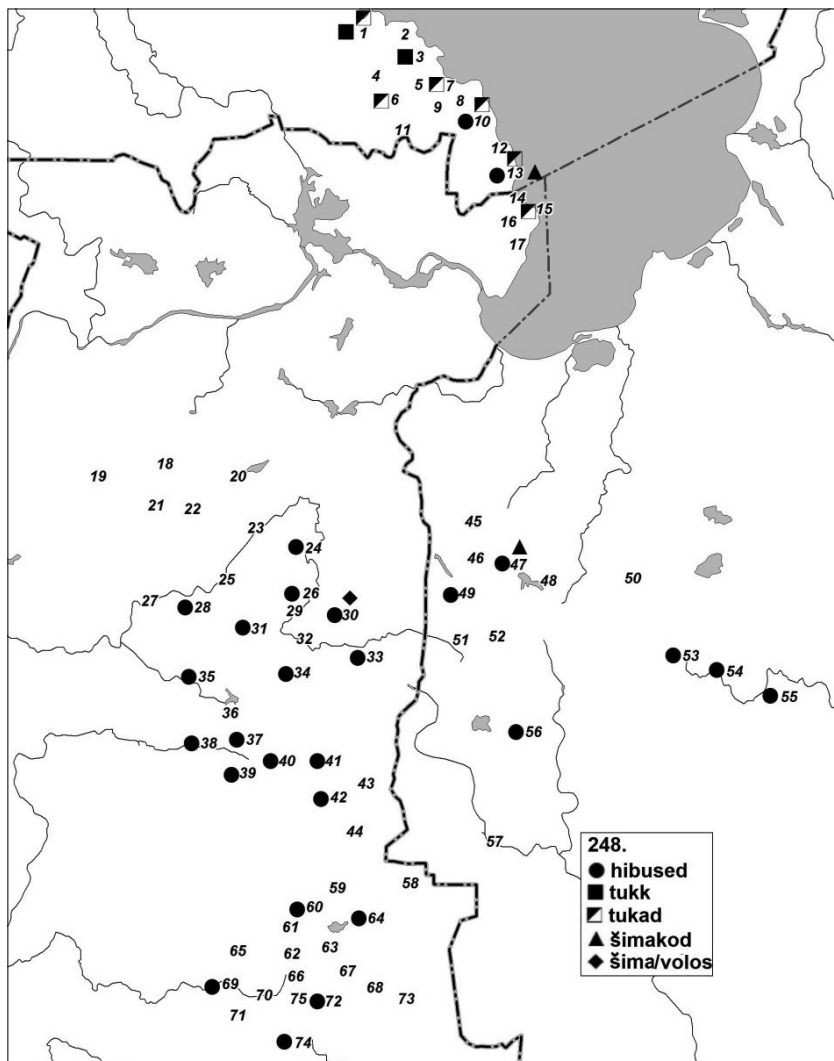
Лексика наиболее наглядно демонстрирует отличительные особенности говоров. В ней переплетаются как собственные инновации, так и инновации, возникающие под влиянием соседствующих языков и говоров, но определяющим все-таки является прибалтийско-финское наследие. В качестве примера можно привести именование понятия ‘устать’: в северновепском диалекте и отчасти в восточных средневепских говорах употребительна лексема *vāzuda*, в западных средневепских — *surduda*, в южновепских — *šuštuda*. Как показал анализ, все они относятся к прибалтийско-финскому наследию [Зайцева 2016: 173–175; 298–299], причудливо сохранившись в разных говорах и характеризуя их.

В качестве примера лексического маркера приведем сведения о названиях волос в языке вепсов (*Карта 5* ниже), полученных как в экспедициях, так и из письменных источников. При сборе материала в полевых условиях по именованию понятия ‘волосы (на голове)’ были выявлены и ‘волосы на голове’, и ‘волосяной покров на теле человека’, и отчасти названия волос, которые выглядят неопрятно. Тем не менее было решено нанести на лингвистическую карту [ЛАВЯ 2019] все собранные лексемы, а в списке картографируемого материала и в комментариях поместить разъяснения по данному поводу.

Само понятие ‘волосы человека, растущие на голове’ в вепском языке представлено двумя главными лексемами, которые делят вепскую территорию на две части: средневепскую и южновепскую vs. северновепскую.

В диалекте северных вепсов повсеместно используется лексема *tukad*, которая восходит к прибалтийско-финскому корню *tukka* [SKES: 1386; SSA 2000: 323]. В северновепском диалекте она употребляется в форме мн. числа. В материалах известного финского исследователя вепского языка Л. Кеттунена, собранных в первой половине XX в. и размещенных в настоящее время на электронном ресурсе [VVS], содержится одна фиксация данного слова в форме ед. числа в северновепском пункте Урицкое (Per): *tuk*. В словаре вепского языка в пункте Шокша (Š) [СВЯ: 582], а также в книге вепских пословиц и поговорок, записанных в Вехручье (Veh) [VV: 179], лексема отмечена в форме *tukk*, с конечным удвоенным согласным. Употребление наименования в форме ед. числа является более древним. Очевидно, что на употребление слова в форме мн. числа оказал влияние русский язык (ср. *волосы*). Ограниченность ареала лексемы *tukad* ~ *tuk* ~ *tukk* только северновепским диалектом, а также наличие варианта с геминатой *-kk* на конце слова, скорее всего, свидетельствует о влиянии карельского языка (ср. карел. *tukka* ~ *tukku* ‘волосы’ [KKS 2005: 271]).

Для южно- и средневепского ареала характерна лексема *hibused*, употребляемая также в форме мн. числа. Этимологи полагают, что ее следует рассматривать в связи с лексемой *hipiä* (ср. финск. *hipiä* ‘тело, кожный покров’ [SKES: 78; SSA 1992: 168]). Такое сопоставление свидетельствует о том, что лексема *hibused* ранее вполне могла обладать значением ‘волосяной покров на теле’. В северновепском диалекте она и употребляется чаще в значении ‘волосяной покров на теле человека’: *kil'mad, ka hibused libutaze* (Š) ‘когда замерзнешь, то гусяная кожа появляется (волоски поднимаются)’ [СВЯ: 118].

Карта 5. Именования понятия ‘волосы на голове’

Map 5. The word for ‘hair on the head’

В шимозерском ареале (Вологодская обл., Вытегорский р-н) и отчасти в Присвирье зафиксированы слова *šimakod*, *šima/volos* (сложное слово: *šima*+*volos*) со значением ‘растрепанные, жесткие волосы; растрепа’. Лексема *šimakod* была отмечена локально и в северновепском Каскесручье (Kas). Она, очевидно, была занесена туда

из Шимозерья, поскольку именно на эту территорию переселилась довольно большая группа вепсов в 1950-годы при расселении Шимозерского сельского совета. Другим северновепским говорам данная лексема неизвестна.

В словаре В. И. Даля отмечены лексемы *шима* ‘верхушка, маковка, темя чего-либо; чуб, космы’; *шимоволосый* ‘косматый, включенный’ [Даль 1955, Т. 4: 633]. В словаре И. М. Дурова дано существительное *шимоволоска* с неясным разъяснением: «от девки шимоволоски, от бабы черноволоски» [Дуров 2011: 444]. Слово достаточно широко отмечается в словаре русских говоров Карелии: *шимки, шимы* ‘волосы’ и т. д. [СРГК 2005: 869–870]).

М. Фасмер по поводу этой лексемы пишет: *шимы* ‘растрепанные волосы’, давая помету «олонецкое» и добавляя, что ее «происхождение неясное» [Фасмер 1973: 438].

С. А. Мызников наряду с иными возможностями предлагает связь лексемы *шимы* с прибалтийско-финским гнездом *siima* ‘леска; паутина’ [Мызников 2003: 105]. Полагаем, что на семантическом уровне это вполне возможно. Вепский вариант лексемы *šimakod* представлен в форме мн. числа, и ед. число могло бы звучать как **šimak*, где можно выделить словообразовательный суффикс *-(a)k*, продуктивный в языке вепсов в разных сферах (например, *nemak* ‘мыс, полуостров’; *ripak* ‘лоскут, тряпка’; *tažlak* ‘увалень’; *kahmak* ‘мерзляк, мерзлячка’ и т. д.). Слово, скорее всего, употреблялось в качестве прозвища человека, у которого растрепаны волосы. Таким образом, можно предположить, что, проникнув, очевидно, из прибалтийско-финских языков в русские говоры, лексема **siima* приобрела иной фонетический облик и оттенки в значении и в форме *šimak(od)* вновь успешно вошла в язык вепсов.

5. Некоторые выводы

Приведенные в данной статье примеры дают определенное представление о «Лингвистическом атласе вепского языка» [ЛАВЯ 2019], который включает в себя более 150 карт разного характера: фонетических, грамматических, лексических. Вся совокупность карт дает возможность более точно выявить главные маркеры вепских диалектных ареалов, исследовать их происхождение, и, соответственно,

высказать некоторые идеи относительно формирования диалектных ареалов языка вепсов.

Относительно картографирования фонетических рефлексов примарных долгих гласных на примере *-uu-*, а также других фонетических карт, представленных в [ЛАВЯ 2019], можно отметить, что они не позволяют пока более точно очертить различия в сохранении общеприбалтийско-финского фонетического наследия и его воздействие на формирование диалектных маркеров. Например, северновепский диалект сохранил исконные долгие гласные (что может быть и карельским влиянием), однако совсем утратил следы гармонии гласных [Зайцева 2016: 60–66]. Южновепский диалект, считающийся историками языка наиболее последовательно архаичным в отношении сохранения общеприбалтийско-финского наследия, не обнаруживает следов примарных долгих гласных и исключительно слабо представляет также и рефлекс гармонии гласных.

В области грамматики большая часть различий наблюдается в сфере глагольного словоизменения. В именном словоизменении специфика говором является, если можно так выразиться, поверхностно-фонетической (напр. *mechasai ~ mechasā ~ mechasae ~ mechassai* ‘до леса’; *mecaspäi ~ mecaspēi ~ mecaspää* ‘из леса’ и т. д.). Можно констатировать, что древнюю общеприбалтийско-финскую систему именного словоизменения вепский язык во всех своих диалектах сохранил достаточно хорошо. Его последующее развитие и языковые контакты незначительно отразились на формах имени, больше сказавшись на их употреблении и синтаксических функциях.

Как уже сказано, больше изменений наблюдается в сфере глагольной морфологии. Как свидетельствуют исследования в области исторической грамматики глагола [Зайцева 2002], а также работа по составлению карт [ЛАВЯ 2019], в глагольном словоизменении можно наблюдать и прибалтийско-финские архаизмы (например, отрицательная форма 3 лица ед. числа имперфекта, ср. *eba tulend* ‘(они) не пришли’), и вепские инновации (формант *-koi ~ -goi* в отрицательных формах смысловых глаголов), и влияние карельского языка, проявившееся особенно наглядно в вытеснении в северновепском диалекте активных форм презенса и имперфекта, замещенных пассивными по происхождению. Наши выводы о карельском влиянии совпадают с мнением этнолога И. Ю. Винокуровой, согласно которому «с XV века прионежские вепсы с севера и запада находились в непосредственном окружении карельского населения и, как показывают этнографические

данные, испытывали с его стороны заметное влияние» [Винокурова 2015: 177–178].

Лексические карты [ЛАВЯ 2019] иллюстрируют диалектное разнообразие в отношении общего прибалтийско-финского словарного фонда, характеризуя отдельные диалекты (см. в данном случае *tukad ~ hibused* ‘волосы на голове’), а также представляют следы языковых контактов (*šimakod* ‘растрепанные волосы’). Часть же лексем, которые удалось обнаружить и исследовать при составлении атласа [ЛАВЯ 2019] и которые находятся за пределами данной статьи, можно охарактеризовать как инновативные (например, *kurktuda* ‘сердиться’, *čigičaine* ‘черная смородина’ и т. д.). Любопытно, что какое-то количество прибалтийско-финских лексем сохранилось лишь на окраине восточно-вепсской территории, у белозерских вепсов (Vl, Kj, Pnd, Sär: *kü* ‘змея’, *sai* ‘свадьба’, *mod* ‘лицо’, *hul* ‘горячий’, *tomu* ‘пыль’ и т. д.), демонстрируя в соответствии с универсальной закономерностью консервацию этноопределяющих признаков на пограничной территории и стремление к сохранению своей собственной языковой системы. Чаще всего именно в этом регионе отмечены также и довольно редкие слова типа *poz'a* ‘сырое болотистое место’, *uhring ~ urting* ‘родник’ и т. д., которые являются, очевидно, субстратными, пока не поддающимися этимологизации. Топонимия этих мест позволяет обнаружить «наследие целого ряда финно-угорских народов и народностей, при этом о большинстве из них приходится говорить в прошедшем времени» [Муллонен 2006: 63], что могло сказаться и на происхождении именно названных говоров.

Список условных сокращений

Названия идиомов: вепс. — вепсский; карел. — карельский; обл. — область; р-н — район; с/в — северновепсский; ср/в — средневепсский; финск. — финский; ю/в — южновепсский.

Индексы населенных пунктов:

Čik (20) — Čikl (Чикозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);

En (35) — Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);

- Jog (38) — Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Kar (21) — Karhil (Каргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Kas (13) — Kaskezoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия (с/в);
- Kj (54) — Kuja (Куя), Бабаевский р-н, Вологодская обл. (ср/в, восточный);
- Korv (44) — Korval (Корвала), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Ladv (33) — Ladv (Ладва), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Mas (69) — Maslagj (Маслозеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. (ю/в);
- Noid (42) — Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Nür (40) — Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- Per (15) — Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (с/в);
- Pnd (53) — Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл. (ср/в, восточный);
- Päž (56) — Päžar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл. (ср/в, восточный);
- Sär (50) — Särgjärv (Сяргозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл. (ср/в, восточный);
- Š (1) — Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия (с/в);
- Veh (3) — Vehkoja (Вехручей), Прионежский р-н, Республика Карелия (с/в);
- Vil (28) — Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл. (ср/в, западный);
- VI (55) — Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл. (ср/в, восточный).

Литература

- Аристэ 1953 — П. Аристэ. Примечания // Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. Т. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 290–306.
- Бубрих и др. 1997 — Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- ВепКар — Открытый корпус вепского и карельского языков (электронный ресурс). URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения 06.12.2020).
- Винокурова 2008 — И. Ю. Винокурова. Вепско-карельские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) // О. П. Илоха, И. И. Муллонен (ред.). Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 104–115.
- Винокурова 2015 — И. Ю. Винокурова. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015.
- Вопросник 2013 — Вопросник «Лингвистического атласа вепского языка» // Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников (ред.). Вепские ареальные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 7–45.

- Даль 1955 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: ГИС, 1955.
- Дуров 2011 — И. М. Дуров. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011.
- Зайков 2000 — П. М. Зайков. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2000.
- Зайцева 1981 — М. И. Зайцева. Грамматика вепсского языка. Л.: Наука, 1981.
- Зайцева 2002 — Н. Г. Зайцева. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002.
- Зайцева 2016 — Н. Г. Зайцева. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016.
- Корпус — Корпус вепсского языка (электронный ресурс). URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru> (дата обращения 14.11.2020)
- ЛАВЯ 2019 — Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, О. Ю. Жукова, И. В. Бродский, Н. Л. Шибанова (сост.); Н. Г. Зайцева (ред.). Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Муллонен 2006 — И. И. Муллонен. Топонимические этюды вологодской земли // А. Н. Башенькин (ред.). Вепсы: история, культура, современность. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2006. С. 68–71.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003.
- Основы 1975 — В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи, Я. Гуя, А. П. Феоктистов, Г. И. Ермушкин (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.
- Программа 1937 — М. М. Хямляйнен (ред.). Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск: Карельский научно-исследовательский институт культуры, 1937.
- Программа 1946 — В. И. Алатырев (ред.). Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Второе издание, дополненное при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1946.
- Пунжина 1994 — А. В. Пунжина. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994.
- СВЯ — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.
- СРГК — А. С. Герд. (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. университета, 2005.
- Фасмер 1973 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1973.
- Ahlqvist 1861 — A. Ahlqvist. Anteckningar i Nors-tschudiskan (Acta societatis scientiarum Fennicae. Vol. 6) Helsingfors: H. C. Friis, 1861.
- ALE — Atlas Linguarum Europae. Vol. I. Fasc. I: Cartes et Commentaires. Assen: Van Gorcum, 1983.

- ALFE — *Atlas Linguarum Fennicarum*. T. I–III. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010.
- Grünthal 2015 — R. Grünthal. *Vepsän kielioppi*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015.
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Otava, 1979.
- Häkkinen 1985 — K. Häkkinen. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa*. Turku: Åbo Akademi, 1985.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. T. I–VI (*Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. Vol. XVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- Lönnrot 1853 — E. Lönnrot. *Om det Nord-tschudiska språket*. Helsingfors: Tryck hos J. C. Frenckell, 1853.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. T. I–VII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. T. I–III. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. *Vepsän kielen äännehistoria (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 228)*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.
- VV — V. Mälk, A. Hussar, A. Kährik, T.-R. Viitso (koost.), V. Oja (kuj. ja kaard). *Vepsa vanašõnad*. T. I–II. Tallinn: Eesti Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1992.
- VVS — *Vepsän verkkosanasto (электронный ресурс)*. URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa> (дата обращения 14.11.2020).
- Wiik 1989 — K. Wiik. *Vepsän vokaalisontu*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1989.

References

- Ahlqvist 1861 — A. Ahlqvist. *Anteckningar i Nors-tschudiskan (Acta societatis scientiarum Fennicae. Vol. 6)*. Helsingfors: H. C. Friis, 1861.
- ALE — *Atlas Linguarum Europae*. Vol. I. Fasc. I: *Cartes et Commentaires*. Assen: Van Gorcum, 1983.
- ALFE — *Atlas Linguarum Fennicarum*. T. I–III. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010.
- Ariste 1953 — P. Ariste. Primechaniya [Notes]. L. Hakulinen. *Razvitie i struktura finskogo yazyka [Development and structure of the Finnish language]*. Vol. I. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1953. P. 290–306.
- Bubrikh et al. 1997 — D. V. Bubrikh, A. A. Belyakov, A. V. Punzhina. *Dialektologicheskij atlas karelskogo yazyka [Dialectological atlas of the Karelian language]*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Dal 1955 — V. I. Dal. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]*. Vol. I–IV. Moscow: State Publishing House of Dictionaries, 1955.

- Durov 2011 — I. M. Durov. *Slovar zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic application]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011.
- Fasmer 1973 — M. Fasmer. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. IV. Moscow: Progress, 1973.
- Grünthal 2015 — R. Grünthal. *Vepsän kielioppi*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015.
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Otava, 1979.
- Häkkinen 1985 — K. Häkkinen. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa*. Turku: Åbo Akademi, 1985.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. T. I–VI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- Korpus — Korpus vepsskogo yazyka [Veps corpora]. Available at: <http://vepsian.krc.karelia.ru> (accessed on 14.11.2020).
- LAVYA 2019 — N. G. Zaytseva, I. I. Mullonen, S. A. Myznikov, O. Ju. Zhukova, I. V. Brodskiy, N. L. Shibanova (comp.); N. G. Zaytseva (ed.). *Lingvisticheskii atlas vepsskogo yazyka* [Linguistic atlas of the Veps language]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.
- Lönnrot 1853 — E. Lönnrot. *Om det Nord-tschudiska språket*. Helsingfors: Tryck hos J. C. Frenckell, 1853.
- Mullonen 2006 — I. I. Mullonen. Toponimicheskie etyudy vologodskoy zemli [Toponymic Studies of the Vologda Land]. A. N. Bashenkin (ed.). *Vepsy: istoriya, kultura, sovremennost* [Vepses: history, culture, current state]. Vologda: Regional scientific and methodological center of culture and advanced training, 2006. P. 68–71.
- Myznikov 2003 — S. A. Myznikov. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of substrate and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North-West]. St. Petersburg: Nauka, 2003.
- Osnovy 1975 — V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya, K. Rédei, J. Gulya, A. P. Feoktistov, G. I. Ermushkin (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Pribaltiysko-finskie, saamskiy i mordovskie yazyki* [Basics of Finno-Ugric linguistics. Finnic, Sami and Mordovian languages]. Moscow: Nauka, 1975.
- Programma 1937 — M. M. Hämäläinen (ed.). *Programma po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa karelskogo yazyka* [The program for collecting material for the dialectological atlas of the Karelian language]. Petrozavodsk: Karelian Scientific-Research Institute of Culture, 1937.
- Programma 1946 — V. I. Alatyrev (ed.). *Programma po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa karelskogo yazyka* [The program for collecting material for the dialectological atlas of the Karelian language]. Second edition supplemented with the participation of N. A. Anisimov, E. N. Simakova, N. I. Bogdanov. Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelian-Finnish SSR, 1946.
- Punzhina 1994 — A. V. Punzhina. *Slovar karelskogo yazyka (tverskie govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Petrozavodsk: Kareliya, 1994.

- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. T. I–VII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981.
- SRGK — A. S. Gerd (ed.). *Slovar russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Iss. 6. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2005.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. T. I–III. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- SVYa — M. I. Zaytseva, M. I. Mullonen. *Slovar vepsskogo yazyka* [Veps Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. *Vepsän kielen äännehistoria* (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Vol. 228). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946.
- VepKar — Open Corpus of Vepsian and Karelian languages (electronic resource). Available at: <http://vepsian.krc.karelia.ru> (accessed on 06.12.2020).
- Vinokurova 2008 — I. Yu. Vinokurova. Vepssko-karelskie kontakty v Babaevskom i Vytegorском rayonakh Vologodskoy oblasti (po dannym narodnoy demonologii) [Veps-Karelian contacts in Babaevsky and Vytegor'sky districts of the Vologda Region (according to folk demonology)]. O. P. Ilyukha, I. I. Mullonen (eds.). *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kulture Karelii i sopredelnykh regionov* [Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. P. 104–115.
- Vinokurova 2015 — I. Yu. Vinokurova. *Mifologiya vepsov. Entsiklopediya* [The mythology of the Veps. Encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2015.
- Voprosnik 2013 — Voprosnik «Lingvisticheskogo atlasa vepsskogo yazyka» [Questionnaire of the “Linguistic Atlas of the Veps language”]. N. G. Zaytseva, S. A. Myznikov (eds.). *Vepsskie arealnye issledovaniya* [Veps areal studies]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 7–45.
- VV — V. Mälik, A. Hussar, A. Kährik, T.-R. Viitso (koost.), V. Oja (kuj. ja kaard). *Vepsa vanasõnad*. T. I–II. Tallinn: Eesti Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1992.
- VVS — *Vepsän verkkosanasto*. Available at: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (accessed on 14.11.2020).
- Wiik 1989 — K. Wiik. *Vepsän vokaalisontu*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1989.
- Zaykov 2000 — P. M. Zaykov. *Glagol v karelskom yazyke* [Verb in the Karelian language]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2000.
- Zaytseva 1981 — M. I. Zaytseva. *Grammatika vepsskogo yazyka* [Grammar of the Veps language]. Leningrad: Nauka, 1981.
- Zaytseva 2002 — N. G. Zaytseva. *Vepsskiy glagol. Sravnitelno-sopostavitelnoe issledovanie* [Veps verb. Comparative and contrastive study]. Petrozavodsk: Periodika, 2002.
- Zaytseva 2016 — N. G. Zaytseva. *Ocherki vepsskoy dialektologii (lingvogeograficheskiy aspekt)* [Essays on Veps dialectology (aspects of linguistic geography)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016.